

«ТРАНСФОРМАЦИЯ ТОРЫ» И ЕЕ ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ.

Более пяти с половиной тысячелетий назад миру были подарены следующие строки:

«באש ויעל כעשן הכבשן ויחרד כל-חיה מאר ויהי קול השפר הולך וחזק מאר משה ישבר»
 ודבר והאלהים יעגנו בקול וירד יהוה על-הר סיני אל-ראש ההר ויקרא יהוה למשה ויאמר
 יהוה אל-ראש ההר ויעל משהויאמר יהוה אל-משה רד הער כעם פן-יהרסן אל—יהוה לראות
 ונפל ממנו רב וגם הכהנים הנגשים אל-יהוה תקדשו פן-יפרץ בהם יהוה ויאמר משה אליהוה
 לא-יוכל העם לעלת אל-הר סיני כי-אתה העדתה בנו לאמר הגבל את-ההר וקדשתו ויאמר אליו
 יהוה לך-רד ועלית אתה ואהרן עמך והכהנים והים אל-יהרסו לעלת אל-יהוה פן-יפרץ-בם וירד
 משה אל-העם ויאמר אלחם וידבר אלחם את כל-הדברים האלה לאמר אנכי יהוה אלהיך אשר
 הוצאתיך מארץ מצרים מבית עברים לא-היה לך אלהים אחרים על-פני לא-תעשה לך פסל וכל-
 תמונה אשר בשמים ממעל ואשר בארץ מתחת ואשר במים מתחת לארץ. לא תשתחוה להם ולא
 תעברם כי אנכי יהוה אלהיך אל קנא פקד עון אבת אל-בנים על-שלשים ועל-דבעים לשנא ועשה
 חסד לאלפים לאחבי ולשמרי מצות. לא תשא את-שם-יהוה אלהיך לשוא כי לא ינקה יהוה את
 «שמות יט, כ» «אשר-ישא את-שמו לשוא».

(И вышел огонь из тернии и охватил все и сказал: «Я говорю со всеми, к кому обращается Элохим, устами Моисея. Придите на Синай и объединитесь возле Моисей и сделайте так, как говорит Моисей.» И сказал Моисей, оглядев всех как наставник. И все коганим и все святые сгруппировались вокруг него. И сказал Моисей всем, кто стоял под Синаем и готов был принять учение: и обращался он ко всем и записывали за ним все, принадлежавшие к высшему обществу. И взошел Моисей к Нему и говорил Бог. И говорил Бог и слушавшие его повторяли: Я обращаюсь ко всем, вышедшим из Египта евреям:

Пусть не будет у вас других богов кроме Меня.

Не делай из них идолов и не твори иконы по всей стране. Не полагайся на них и не заставляй других евреев служить им.

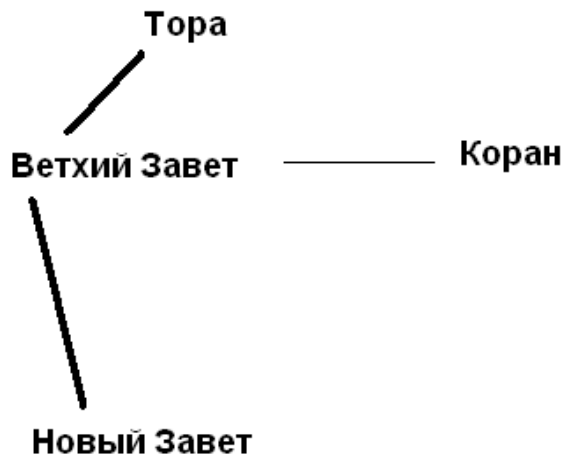
И отцы вашего дома пусть все начнут снова.

И делай как говорят старшие и люби многих.

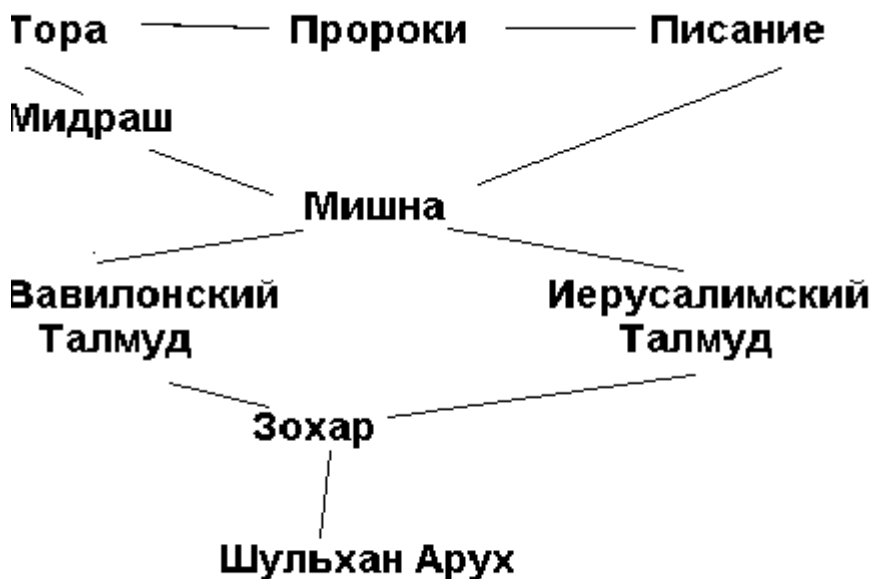
Не слушай тех, кто не хочет поступать по моим заветам, и поддерживай тех, кто прислушивается к ним.» (Исход, 19, 20 – пер. мой *Бескровная*)

Этот философский подход, раскрывающий с точки зрения всего иудейского, исламского и христианского человечества гносеологию и

антропологию существующего мира фактически можно представить по схеме:

Традиционно говорят: «Бремя Израиля – книги!». Десять заповедей Моисею впоследствии были развиты в целую систему, заключенную в схему:

Постоянно меняющаяся структура общества, борьба между саддукеями, не признающими его усовершенствование и развитие, и фарисеями, ратующими за совершенствование мира, привели к понятию «возведение забора вокруг Торы». Именно этот принцип использован в Иерусалимском и Вавилонском Талмудах, созданных на основании Мишны, Галахического и Агадического Мидраша.

Менялся мир, менялись общественные ценности, а вместе с ним менялись и задачи, поставленные Моисею на горе Синай. И вот уже «Р.Измаил говорит: тринадцатью способами толкуется Тора: кал-вахомер, гезера шава, биньян-ав на основании одного или двух стихов, общее перед

частным и частное перед общим; когда частное между двумя общими, то ты выводишь лишь однородное с частным; общее нуждается в частном и частное нуждается в общем; если правило, подходящее под закон, выведено для поучения, то оно учит не о себе, а о всем законе; если правило, подходящее под закон, выделено особо в однородном смысле, то оно выделено для облегчения, а не для отягощения; если правило, подходящее под общий закон, выделено в различном смысле, то выделено оно как для облегчения, так и для отягощения; если что подходило под закон, но выделено, чтобы судить о новом случае, ты не вправе подводить его снова под общий закон, разве что это сделано само. Писание здесь толкуется согласно всему содержанию и согласно последующему: противоречия между двумя стихами разрешаются с помощью третьего стиха». [4, т.7, с.207]

Главной особенностью литературоведческого подхода к изучению ТаНаХа, а вместе с ним и формированию жанровой и образной структуры любого произведения, является обращение талмудиста к агадическим преданиям, т.е. притчи как нравственной основе формирования общества. Идея трансформации Библии в иудаизме развивалась со времени формирования учения фарисеев. Так, например, в литературе развивался принцип Агадического Мидраша.

Наиболее известным Мидрашем является Мидраш о том, как Авраам приносил в жертву своего сына Исаака. Как мы знаем, согласно повествованию Авраам приносит в жертву своего сына ради Господа. В мидраше мы читаем в тексте о том, что Авраам «увидел это место издалека». Мидраш задаёт естественный вопрос: что же увидел Авраам? Ответ даёт следующий: он увидел «нависшее над горой облако» - имеется ввиду, что в этот момент Авраам удостоился быть свидетелем Шхины (Божественного Присутствия). Кстати, еврейское слово «מקום» - «место» эквивалентно русскому «Вездесущий».[8, с.18]

Теперь посмотрим как тот же сюжет трактуется в Вавилонском Талмуде:

«Но так как место жертвоприношения Исаака должно было стать обителью Духа Святого, совершилось чудо: по мановению перста Божьего, окружающие долину горы сомкнулись и образовали одну горную возвышенность, достойную служить подножием для Духа Вечного» [1, с.60]

Впоследствии, расширяя эту трактовку Семён Фруг в своей поэме «Ломтик халы» напишет:

Вдоль по волнистым пластам облаков,
Стелется свиток Завета.
Вечный Эн-Соф на престоле сидит
В ризе из яркого света.

Десять Сефирот покорно стоят
Вкруг лучезарного трона:
Свет неземной, неизведанный свет
Льётся с Предвечного лона. [5,с.312]

Сталкиваясь с более поздними переводами и трансформациями агадического мидраша, мы наблюдаем трактовку сюжетов Торы уже с точки зрения более поздних течений в иудаизме (Каббала, хасидизм). Но главную роль при объяснении Галахи играет Агада.

Именно агадические сюжеты из Вавилонского Талмуда на территории Украины XIX века появляются в еврейской литературе и авторы на уровне сюжета и образов проводят их трансформацию. Одним из таких ярких примеров является воплощение их в русско-еврейской литературе, в творчестве Семена Фруга, который переводит с арамейского на русский язык «Сефер-Гаагаду» Бялика и Равницкого.

Так, например, агаду о царе Ахашвероше и царице Эстер, связанную с еврейским праздником Пурим, он видоизменяет в соответствии с сюжетной и образной трансформацией.

Поэма «Гаман» была напечатана в «Восходе» в марте 1883 года. В ней Фруг выступает как талмудист-агадист и каббалист одновременно, о чём свидетельствуют следующие факты:

1) существуют две версии в названии поэмы «Гаман». Во-первых, буква «Г», стоящая перед именем Амана, указывает на тот факт, что Фруг начинает своё произведение с третьей части библейского свитка «Эстер». Для нас становится очевидным, что автор использует в своей поэме хасидскую традицию, так как в библейском тексте имя Амана пишется следующим образом אֱמָנָה . Фруг использует особенности идиша, в котором возможно употребление как א «фрикативного», так и א «взрывного». При этом автор очевидно более склонен к употреблению א

2) используя в своём произведении образы деревьев, как символы наказания для Амана, которого должны повесить на одном из них, Фруг проводит трансформацию третьей части свитка «Эстер». Он обращается к трактовке свитка через Песнь Песней (5:1). Образ мирты у Фруга сочетается с художественным понятием «мирры», которая в свою очередь ассоциируется для поэта с фимиамом, а библейское «вино с молоком» в сочетании с «миррой» символизирует жизнь.

То же самое можно сказать и об образе райской яблони, наполняющей жизнь своим неповторимым запахом существования. В поэме «Гаман» Фруг, отражая художественный мир своих героев стремится использовать сочетание ортодоксального раввината и украинской фольклорной традиции. Мирта, верба и райская яблонь, причём верба олицетворяет украинский фольклор, соединяются у поэта в обычай помолвки, что символизирует приход хасидизма в Эрец-Исраэль:

Однажды сионские девы пришли,
Сорвали по ветке и взяли с собою
И с песнями, шумной, весёлой толпою,

Исчезли вдали... [5 , с.95)

Рассматривая дальнейшее композиционное построение текста, мы видим, что поэт стремительно уходит от фольклорной традиции Яхвистского кодекса к Жреческому. Он полностью остаётся во власти Божества, хасидизм

не позволяет ему нарушить канву монотеизма. Обряд благословения в поэме «Гаман» полностью выдержан в традициях праздника Суккот:

И, благословляя народ, подымали
В руках наши ветки они... [5 , с.95]

Образ кедра в поэме Фруга «Гаман» полностью совпадает с его библейской характеристикой (Притчи 6-7). Фруг не отступает от традиции ортодоксального раввина, и кедр символизирует собой Коэна, приносящего жертву мудрости на алтарь Божества.

Акацию поэт сравнивает с первоисточником старины. Для Фруга эта заря Сиона сливается с «чистым источником» существования истории еврейского народа. Ковчег Завета для поэта олицетворяет начало весны, как начало становления рационализма в духовной мысли человечества. Фруг как никто другой здесь по духу близок Иехуде Галеви, который в своих «Узниках Сиона» пытается вернуться к истокам жизни еврейского народа. Акация для Фруга – это путь от хасидизма к ортодоксальному раввину:

Внемля из тучи святому глаголу,
Песню свободы Израиль поёт, -
С тёплой молитвой склоняется долу,
С верой горячей встаёт... [5 , с.94]

Маслина, кедр и кипарис вторят закону, повторяя его. Образ «кедра» сливается с образом «маслины», что в поэме Фруга олицетворяет количество коэнов в Храме. Число 2 символизирует единство Меркавской Мишны и Бытия. Сила Единства основывает Сепиру Бина, и становится законом царства Эрец-Исраэль. Фруг хочет подчеркнуть необходимость света мысли в его победе над ночью тьмы.

Все художественные образы поэмы «Гаман» сливаются в одно единое целое «связь Израиля с небом», поэтому особое место среди пантеистических художественных образов в поэме «Гаман» у Фруга занимает образ Тополя. Полагаем, что поэт ассоциирует его с образом Дуба, священного дерева, о котором Джеймс Джордж Фрезер писал: «...когда умерла Девора, кормилица Ревеки, она была похоронена близ Вефиля под дубом, отчего дерево было названо «дуб плача». Фруг соединяет древнееврейскую традицию с хасидской, характерной для территории Украины второй половины XIX века, и вводит в своё произведение образ Тополя, символизирующего движение мысли автора от истории к современности. В уста художественного образа Тополя Фруг вкладывает рассказ о стойкости и мужестве еврейского народа:

Гроза ревела надо мной...
Кругом в лесу и стон, и вой...
Но не ломался ствол мой твёрдый;
Под бурей смело я стоял
И смело, громко посылал
Я буре дикой вызов гордый... [5 , с.97]

Как мы видим, в данной ситуации появляются не только элементы нового сюжета, не характерного для мировой литературы вообще, но и элементы образной традиционной трансформации.

Сюжетная и образная трансформация преобладает и в еврейской поэзии, особенно на уровне хасидизма. Русско-еврейская поэзия – это как раз и есть поэзия хасидизма и о наиболее ярком представителе этого направления в литературе С.Г.Фруге С.Шварц писал в своей статье : «Когда случайная гроза согнала его с дороги, и он, угрюмый и печальный, спешит укрыться в чашу под тень убогого дерева, - он вдруг останавливается под влиянием неожиданной встречи, то донёсся к нему звук, прилетевший сюда с юга, Бог весть каким путём соловья. Загремел степной напев Украины «с юной мощной силой» - и заглушил рёв грома и бури.» [3]

Степной напев Украины, воплощенный в хасидизме мы встречаем и в поэзии Ицика Фефера, в котором трансформация Торы наблюдается именно с позиции метода «пилпул-хиллукум», т.е. обращение непосредственно к Библии, к Плачу Деворы (Судьи – 5) и использование жанра «псалом» как основополагающего в своем произведении:

איך שווער בני דער ליכטיקער זון, בני די שטוינענדע שטערן,
 אין שווער היינט בני אלץ, וואָס א פשוטער מענטש קען נאָך שווערן,
 איך שווער בנידי הערצער, וואָס זידן אין שלאכטן און קאָכן,
 איך שווער בני די שטראָמען פון גליק, וואָס דער פיינט האָט צעבראכן,
 איך שווער בני דעם בלוט, בני דעם אמרו פון מיינע צוויי אויגן
 מיינ האָט וועט ניט אויסגיין, מיינ צאָרן אין קעלט וועט ניט קילן
 ביז כ'וועל אויף מיינ אָרעם דאָס בלוט פונעם פיינט ניט דערפילן!

און אויב ס'וועט דער פינצטערער וויכער א האנט מיר צעפליקן,
 וועל איך מיט דער צווייטער דעם פיינטלעכן אָטעם דערשטיקן
 און אויב ס'וועט א קויל מיר די האנט אויך די צווייטע צעדרויבן,
 וועל איך מיט מיינ הייליקער שינאה דעם ווייטיק פארטויבן!

אבי נאָר די פיס מיינע וועלן מייך טראָגן, מיר דינען –
 אין פייער, אין וואסער וועל איך אים, דעם שונא, געפינען.

און אויב ס'וועט די נאכט מיר מיט בלינדקייט פארלעשן די אויגן,
 מיינ שינאה - מיינ שוועסטער אין שלאכט וועט ניט לאָזן פארנויגן
 מיינ קאָפּ, דאָס אויג פון מיינ הארץ וועט דעם שונא אנטפלעקן,
 דער פלאם פון מיינ האָט וועט אויף אייביק זיין זכר פארמעקן.

אָט דאָס איז מיינ שבועה, וואָס כ'שווער איצט דעם לאנד פון די ראטן,
 מיינ אוראלטן פאָלק, און מיינ אלטיקער מאמען און טאטן,
 און דאָס איז מיינ נדר, און אויב איך וועל ביידע זיי ברעכן,
 זאָל דעמאָלט מיינ פאָלק מיט דער שפיז פון פאראכטונג מייך שטעכן!

און אויב כ'וועל דעם פיינט פון דער ליכטיקער וועלט ניט פארטרייבן,
 אז ס'זאָל פון זיין מיאוסקייט קיין שריד-ופלים ניט בלייבן,

זאָל ווערן צום אייביקן שאַנדסלופ געפּעסטיקט מיין נאַמען,
דעם אש פון מיין לייב זאָל דער ערדקויל ניט אויפנעמען, אמן!

(Я клянусь светящимся для меня солнцем, вместе с пораженными звездами.
Я клянусь воспоминаниями о других, которые рядом со мной жили,
Я клянусь всем сердцем, когда горю в битве,
Я клянусь своей судьбой, которая прекрасна и благословенна,
Я клянусь под вербами, которые стоят на берегу Днепра,
Я клянусь синевою, которая находится в моих глазах.
Все, что я имею ушло, мое счастье замерзло на ветру,
Но, несмотря ни на что, моя кровь поет во мне.

И если бы ураганные вихри надо мной пролетели,
И если бы я в будущем был подавлен,
И если бы топор в моих руках подробил все дважды
Моя родная душа заглушила бы все повторно.

Бог никогда не видел как я плачу, я служу
Я горю и меня не зальешь водой, моя душа пылает.

И если бы ночь блестела над моими глазами
Моя душа – моя сестра в битве ничему бы не поклонилась.
Моя голова и глаза моего сердца открывают мне душу,
И пламя ее единственное никогда не погаснет.

И это моя клятва, я клянусь в стране Советов:
Мой древний народ и моя стареющая мама и отец,
И это мой обет, которым я горю
И не один раз мой народ не привлек внимание к моему страху.

И если бы я пришел в самый лучший и светящийся мир принудительно,
Я стал бы ничем и никогда бы не горел,
И никогда не было бы единственным мое имя,
И огонь моей жизни не коснулся бы земли никогда. Аминь! – пер. мой –
Бескровная)¹

Сквозь мировоззрение героя проходит тема библейской крепости Массад, но она преломляется через социально-политические мотивы жизни еврейского и украинского народа под гнетом царского самодержавия и ее словно объединяют строки И.Франко из поэмы «Мойсей»:

Народе мій, замучений, розбитий,
Мов паралітик той на роздорожку,
Людським презирством, ніби струпом вкритий!

¹ Полагаем, что при переводе с еврейского на русский язык автор перевода дает фактически новую интерпретацию текста.

Твоїм будущим душу я тривожу,
Від сорому, який нащадків пізних
Палатиме, заснути я не можу. [6, с.147]

Слова поетов словно объединяет Вавилонский Талмуд: „Слова Господа падали подобно ударам кузнеца по наковальне, каменотеса по глыбе каменной: от каждого удара искры во все стороны разлетаются, от каждого удара градом осколки сыплются. Так и слово Божие: одновременно на семь разных ладов звучало оно и слышно было одновременно же на всех семидесяти языках и наречиях, дабы слушали и уразумели все народы земли» (трактат Танхум Гакодум, 4), [4, с. 112]

Рассмотрев особенности «трансформации Торы» на некоторых примерах из мировой еврейской литературы можно сделать заключение о том, что ее формирование проходит как на уровне жанра, т.е. на параллели «псалом» - «стихотворение», так и на уровне изменений в сюжете, в завязке, кульминационном моменте и развязке и в конечном итоге ведет к образной трансформации в тексте, что служит основой для формирования произведений мировой классической литературы.

Но трансформация Торы не замыкается в отдельно взятом мировоззрении и не стоит на месте. Сколько людей – столько и мнений, поэтому привлекательным становится современный респонс: «Кто-то однажды сказал, что его раввин – это Стена Плача, в Иерусалиме. Тому, кто был заинтересован в объяснении, он тут же добавил: «Все раввины говорят мне, что делать, а Стене Плача я говорю, что я хочу, и она никогда не спорит со мной.» [7, с.5]

Литература

1. Агада. Сказания, притчи, изречения Талмуда и Мидрашей. В 4-х частях. Перевод с введением С.Г.Фруга по «Сефер-Гаагаде» И.Х.Равницкого и Х.Н.Бялика. - Одесса, 1910, ч.1
2. Агада. Сказания, притчи, изречения Талмуда и Мидрашей. Перевод с введением С.Г.Фруга по «Сефер-Гаагаде» И.Х.Равницкого и Х.Н.Бялика - Одесса, 1919, ч.П
3. «Поэзия С.Г.Фруга», статья С.Шварца, вырезка из газеты, ЦГАЛИ, собрание Попова, Ф.837, оп.2, ед.хр.1468
4. Талмуд. Мишна и Тосефта, под ред.. Н.Переферковича. - Москва: издатель Л.Городецкий, 2006 - т.1-7
5. Фруг С.Г. Стихотворения - СПб, б-г
6. Франко І. Повне зібрання творів. - Київ, Дніпро, 1969, т.5.
7. Шейнер Э. Ой, кто тянул меня за язык - / Мир еврейской женщины, 2010, декабрь, №111, с.5-6
8. Шинан Авигдор. Мир аггадической литературы. - Иерусалим, библиотека- алия, 1990.
9. תורה. נביאם. כתובים. הוצאת קורן ירושלים בע"מ.
10. Тора. Пророки. Писание. - Иерусалим: издательство Корен, 1999.
11. מלאמעק הנה. דער בארימטער סאָוועטישער-ייִדישער פּאָעט. // פּאַרווערטס, 2007, נאוועמבער 9
12. Млатек Хана. Ицик Фефер – популярный советско-еврейский поэт. - /Форвертс – 2007 - 9 ноября

Анотація

У статті Бескровної О.Н. «Трансформація Тори та її літературознавчі особливості» ми розглядаємо проблему традиції іудаїзму крізь призму трансформації Тори, Вавілонського Талмуду та Зохара на прикладі хасидської творчості Семена Фруга та Іцика Фефера.

У статті вказано також і на те, що літературознавчий термін «трансформація Тори» фактично сформував всю світову літературу від жанра до сюжету и до художнього образу твору.

Ключові слова: трансформація Тори, традиції іудаїзму, Вавілонський Талмуд, Зохар.

Аннотация

В статье Бескровной Е.Н. «Трансформация Торы и ее литературоведческие особенности» мы рассматриваем проблему традиции иудаизма через призму трансформации Торы, Вавилонского Талмуда и Зохара на примере хасидского творчества Семена Фруга и Ицика Фефера.

В статье указано и на то, что литературоведческий термин «трансформация Торы» фактически сформировал всю мировую литературу от жанра к сюжету и к художественному образу произведения.

Ключевые слова: трансформация Торы, традиции иудаизма, Вавилонский Талмуд, Зохар.

Summary

In the article of Beskrovna Lena “The Transformation of Torah and here Literature particulation” the problem of tradition the Judaism are viewed through prism of Transformation Torah, Babilonian Talmud and Zohar for example creative works of Smual Frug and Izik Fefer.

In the article we are pay attention, what the Literary term “The Transformation Torah” to form the Word Literary from the genre to the subject and artistic image.

Key Words:The Transformation Torah, tradition of Judaism, Babylonian Talmud, Zohar.